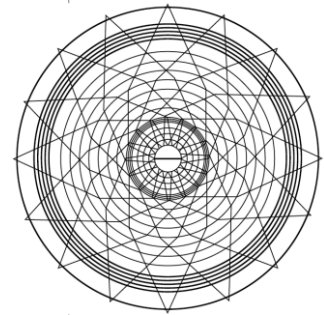

[Научная Жизнь]

Юрий Александрович Шерковин –
российский ученик Уилбура Шрамма
(расшифровка круглого стола)

ЮРИЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ ШЕРКОВИН - РОССИЙСКИЙ УЧЕНИК УИЛБУРА ШРАММА

РАСШИФРОВКА КРУГЛОГО СТОЛА

В рамках I Международного Симпозиума по истории исследований сферы коммуникаций "Памяти Уилбура Шрамма" прошел круглый стол, посвященный наследию одного из отцов-основателей социальной психологии в Советском Союзе Юрия Александровича Шерковина. Ученики Юрия Александровича и его сын Дмитрий Юрьевич Шерковин выступили с краткими сообщениями о разных гранях и талантах этого исследователя. В академической карьере Юрия Александровича была и стажировка в США, в рамках которой он работал с одним из теоретиков нового поля исследований сферы коммуникации Уилбуром Шраммом.

Из интервью с Дмитрием Юрьевичем Шерковиным (интервью проводила Юлия Черненко):

- **Дмитрий Юрьевич, у Вашей семьи очень интересная история. Насколько я знаю, Ваши предки были не из России. Я бы хотела начать с Ваших прадедушки и прабабушки, расскажите об этой истории? Кто был Юлиус Шеркови?**

- Мне известно, что Юлиус Шеркови был сотрудником Консульства Аргентины в Санкт-Петербурге, в дореволюционное время. Юлиус Шеркови скончался в 1916 году, был захоронен на лютеранском кладбище в Санкт-Петербурге (будучи по вероисповеданию лютеранином), но могила не сохранилась до сегодняшнего дня. После разрыва дипломатических отношений с Аргентиной после революции 1917 г. вдова и дети Шеркови приняли решение не возвращаться в Аргентину. Сын Юлиуса - Александр Шеркови (отец Юрия Александровича) еще гимназистом увлекся революционными идеями и в рамках большевистского движения принимал активное участие в революции (в боевых отрядах Петрограда). После прихода к власти большевиков сражался в рядах Красной Армии на польском фронте, где был ранен, попал в плен, откуда бежал, добрался до Петрограда и уже продолжил работу как политработник Красной армии. В ходе службы написал две брошюры о политической работе в РККА. В 1932 году Александр скончался от тифа и был захоронен в Ленинграде.

[Научная Жизнь]

*Юрий Александрович Шерковин –
российский ученик Уилбура Шрамма
(расшифровка круглого стола)*

Юрий Александрович Шеркови родился в 1924 году, детство провел в Ленинграде и, не успев закончить среднюю школу, был эвакуирован в Ставрополь, где и закончил школу. Уже в военные годы Юрий Александрович поступил в артиллерийское училище в г. Андижане (Узбекистан) и, проучившись там три года, выпустился младшим лейтенантом-артиллеристом. В 1944 году был отправлен на фронт, где служил командиром гаубицы в составе 4-ого украинского фронта, который воевал в Польше, Румынии и Австрии. И уже после окончания войны Юрий Александрович служил недолго в Австрии, затем эти части были выведены правительством СССР из Австрии в Румынию, где он продолжил службу несколько лет после окончания войны.

- **Да, про это я слышала, что в Румынии он даже стал автором словаря, можете про это рассказать?**

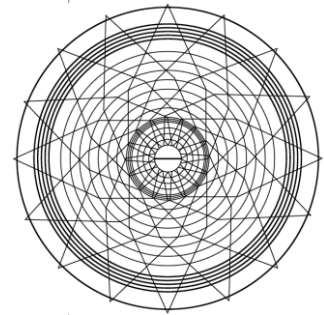
- Да, конечно, он увлекался языками и настолько серьезно, что самостоятельно овладел румынским языком и, находясь в составе советских войск в Румынии, составил первый румынско-русский военный словарь. Юрий Александрович всегда вспоминал об этом с большим удовольствием – и об этих годах, и о службе, и о начале филологического творчества. По мере завершения службы в Румынии Юрий Александрович поступил на заочное отделение Педагогического института в Ростове-на-Дону, который успешно закончил, и впоследствии продолжил обучение в Военном институте иностранных языков, который он закончил в 50-ых годах.

Первое его военно-филологическое назначение было в Новочеркасское суворовское училище, преподавателем английского языка. Его следующее назначение было в Москву на военную кафедру в Институт Внешней Торговли, а затем на военную кафедру в МГИМО. В годы службы в МГИМО, Юрий Александрович защитил диссертацию на соискание ученой степени кандидата филологических наук и получил приглашение работать в институте общественных наук при ЦК КПСС, где проработал много лет, сперва преподавателем, доцентом, заместителем заведующего кафедрой общественной психологии и пропаганды, а в завершающий период трудовой карьеры работал заведующим кафедрой общественной психологии и пропаганды. И именно в годы работы в институте общественных наук Юрий Александрович защитил докторскую диссертацию – в области социальной психологии - и очень активно работал в сфере массовых коммуникаций, в рамках этой работы получил широкую известность и уважение в среде коллег-профессионалов. После роспуска института общественных наук Юрий Александрович специализировался на одной из коммуникационных отраслей - на психологии рекламы, написав брошюру «Трудное искусство простоты».

- **Да, на самом деле возникали какие-то дополнительные вопросы, но сначала я задам такие базовые вопросы, например, знаете**

[Научная Жизнь]

Юрий Александрович Шерковин –
российский ученик Уилбура Шрамма
(расшифровка круглого стола)

ли Вы, почему в какой-то момент Юрию Александровичу стала интересна именно научная деятельность, а не офицерство, не преподавание, почему он выбрал науку?

- Завершив военную службу, Юрий Александрович продолжал заниматься как педагогической, так и научной деятельностью. Поэтому о смене деятельности неправильно будет говорить. Он продолжал быть и педагогом и ученым.

- А почему именно эта сфера, почему именно общественная психология, это как-то связано, например, с историей семьи?

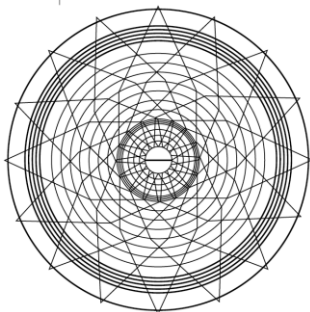
- С историей семьи это не было связано. Насколько мне известно, перед Юрием Александровичем и его коллегами в профессиональной среде тогда стояла дилемма признания социальной психологии в стране. В силу организационно-административных причин, кафедру называли кафедрой общественной психологии. С определенными трудностями, проблемами, но всё же удалось дисциплину социальной психологии в СССР создать и развивать. Могу отметить, что проблематикой рекламы он занимался еще во времена СССР, и в постсоветское время это была тема, которую Юрий Александрович реализовал как ученый-практик, работая в рекламной фирме «Саймон», а также преподавая этот курс на экономических факультетах ВУЗов и в отечественных бизнес-школах.

- Скажите, а вот если говорить про тех, кого Юрий Александрович называл своими учителями, в числе своих главных учителей, например, он называл Бориса Федоровича Поршнева. Может быть вы знаете, в чем именно он повлиял на Юрия Александровича, потому что интересно ведь, Поршнев был историком по сути и писал про историю цивилизации.

- В творчестве профессора Б.Ф. Поршнева, насколько мне известно, Юрия Александровича интересовала проблематика суггестии в социально-антропологическом аспекте, и он успешно развил этот фундамент в рамках социально-психологических аспектов коммуникаций. Помимо Поршнева, и разумеется, Уилбура Шрамма, Юрий Александрович очень тепло отзывался о монографии американского ученого Арангурена, под названием «Communication».

- А вот если говорить про Шрамма, как ваш отец отзывался о нем, что он говорил, что он говорил про ту стажировку?

- На этой научной стажировке он был в семидесятых годах, около трех месяцев, в Стэнфорде по научному обмену между СССР и США. Был очень впечатлен как Стэнфордским институтом массовых коммуникаций, который возглавлял Уилбур Шрамм, так и серьезными ресурсами, которыми американская университетская наука располагала в области коммуникаций. Помимо Стэнфорда, у него была возможность побывать в двух или трех других университетах на научных симпозиумах или конференциях. В частности, в Мичиганском университете.

[Научная Жизнь]

Юрий Александрович Шерковин –
российский ученик Уилбура Шрамма
(расшифровка круглого стола)

- **А может быть, он вспоминал кого-то из учеников Шрамма, он же общался с другими исследователями там. У него вообще после той стажировки, когда он приехал, у него сохранились какие-то контакты с коллегами, или это всё-таки было, в то это время, не очень налаженная связь?**

- Связей или налаженного обмена тогда не было. Юрий Александрович максимально использовал данную научную командировку, как для научной работы, так и для практического развития в области консультирования органов печати, радио и телевидения СССР с точки зрения эффективности.

- **Вы говорили, что у него были и другие командировки, в частности в Европу...**

- Да, у него были краткосрочные научные командировки. Была краткосрочная в Австралию, в 50-ых годах до США. Юрий Александрович стажировался в газете в Сиднее. Были командировки в Финляндию, в университет Тампере, где он встречался и обменивался мнениями с профессором Карлом Норденстренгом.

- **Он знал Норденстренга? Очень интересно...**

- Да, он знал профессора Норденстренга. Бывали научные командировки в Католический университет Лувена, Бельгия, где Юрий Александрович принимал участие в научном мероприятии по психологии религии. Юрий Александрович активно сотрудничал с Восточно-европейскими коллегами - в Чехословакии, Болгарии, ГДР, Польше.

- **Если я всё правильно помню, как раз на языке социалистического лагеря переводились очень многие его работы.**

- Да, это так. По крайней мере я знаю, на болгарский язык, на немецкий, на испанский,

- **А вот, кстати, если о его работах, если я правильно помню у него были и литературоведческие опыты.**

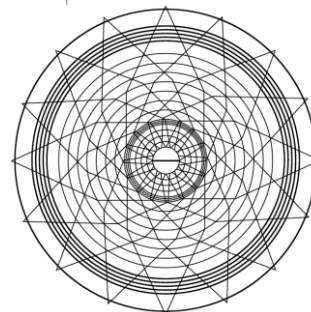
- Да, Юрий Александрович был человеком всесторонним и очень хорошо писал публицистику. В частности, исследовал зарубежные страницы творчества Толстого и Достоевского, и эти публицистические материалы были опубликованы в журналах, на португальском языке, и пользовались большой популярностью у читательских аудиторий.

- **А если говорить вообще, есть сфера интересов литературоведение, есть сфера интересов общественная, тогда называвшиеся общественной, психология... А вот что в принципе Юрий Александрович, какие мысли высказывал относительно науки, которой он занимался, если вы что-то из этого можете вспомнить?**

- Юрий Александрович был большим энтузиастом своей дисциплины и активно содействовал внедрению научных принципов в государственное теле- и радиовещание, в издательскую деятельность.

[Научная Жизнь]

Юрий Александрович Шерковин –
российский ученик Уилбура Шрамма
(расшифровка круглого стола)

- **А он вам когда-нибудь рассказывал или может быть делился сложностями этого вот внедрения, может быть как-то эмоциями своими относительно этого?**

- Юрий Александрович был человеком очень корректным, сбалансированным – он скорее консультировал, высказывал сбалансированную позицию с учетом реалий государственного управления и особенностей аудитории того времени. То есть он был не столько дискуссионным или эпатажным автором, а скорее, опытным внедренцем.

- **А вот эта история с кафедрой социальной психологии МГУ, это по сути тоже ведь успех внедрения?**

- Насколько я слышал, да. Но, в деталях, я думаю, коллеги из МГУ пояснят.

- **А тогда вопрос еще про книги его, вы уже несколько раз назвали, естественно там больше, может быть вы помните, как Юрий Александрович отзывался о них, может быть он выделял какую-то одну, как вот это моя там лучшая книга или что-то такое?**

- Будучи человеком творческим, Юрий Александрович - творил, но не говорил, что одно что-то более удачное, что-то менее удачное. Запомнилось, что он гордился некоторыми рекламными достижениями, как он считал, когда он уже работал в рекламном бизнесе. Он разработал несколько рекламных слоганов, которые стали широко известны. Тогда в 1990-ые годы это были первые рекламные слоганы, в частности, слоган, который можно было увидеть на бортах троллейбусов в Москве. Тогда появились пейджеры, фактически родился новый вид связи в стране. И Юрий Александрович придумал для рекламных целей следующий слоган - «Пейджер - еще одна степень вашей свободы». Этот слоган вошел в широкий оборот. И еще один интересный слоган, которые вы наверняка знаете из современной рекламы - в кондитерском производстве шоколада - Юрию Александровичу принадлежит авторство рекламного слогана: «Вкус, знакомый с детства».

- **По-моему кстати до сих пор, действительно, используется.**

- Возможно.

Михаил Григорьевич Троянский:

Уважаемые друзья, коллеги, мне, прежде всего, очень приятно приветствовать открытие Международного симпозиума по исследованию истории сферы науки коммуникации, пожелать вам успешной работы и, естественно, прийти к новым достижениям в этой столь важной в наше сегодняшнее время науке – одной из тех, которые, можно сказать, имеют самое непосредственное практическое приложение в жизни.

[Научная Жизнь]

Юрий Александрович Шерковин –
российский ученик Уилбура Шрамма
(расшифровка круглого стола)

Прежде всего, очень приятно, что всё-таки вот по прошествии стольких лет вспомнили профессора Шерковина, или просто Юрия Александровича Шерковина – для меня очень хорошего, доброго человека. Хотя внешне всегда могло показаться, что это идёт такой суровый полковник, которым он, кстати, и был. Но это уже другая история. А в общем, вы знаете, действительно, извините за тавтологию, человеческий человек. По очень многим жестам, по его манере поведения, по умению вести себя с людьми. Никакой заносчивости: всегда простой, жизнерадостный, если можно сказать – добрый, но не добренький. Не потому что я хочу повторить классика марксизма, но именно вот добрый человек в полном смысле слова, который умел подойти, вникать в твои проблемы, если надо – помочь, может быть, даже отшутиться, иногда снять с себя ответственность, но помочь.

Скажем, направляют меня, помню, в одну длительную командировку. Подхожу:

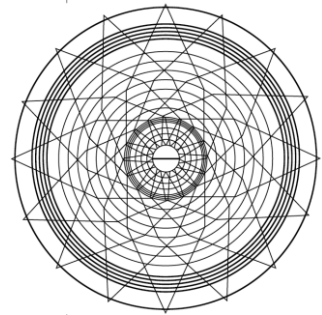
- Юрий Саныч, как вы считаете – ничего, если меня не будет вот такое длительное время?
- Миша, я против, но ты поедешь.

Да, вот такие вот вещи – они остаются в памяти и характеризуют человека, который вынужден был, с одной стороны, противостоять стоящему над ним формализму, а с другой стороны – подходить, зная, что необходимо именно так и так решать эти проблемы. И вообще, знаете, человек, который воспитал поколение и определенных представителей (я уже не говорю о той широкой публике, с которой он имел дело в те далекие времена, когда еще я был достаточно молодым, но это знаете так... чтобы не звучало нескромно). Но в то же время от него получали какой-то стимул, жизненную энергию, запал, желание работать – особенно с той публикой, с которой тогда мы тогда работали, достаточно интересной. Не хочу останавливаться. Это были, в общем-то, представители огромного количества иностранных государств, работали мы все на иностранных языках, на двух-трех – кто сколько знал и умел.

Особенно в плане общения – вы сами понимаете – что речь ведь идет о социальной психологии, речь идет о коммуникациях – речь идет о том, чтобы передавать на иностранном языке русскому человеку, другим, свою убежденность, свои знания и, если вы допускаете и лингвистические ошибки, рухнет вся система, и вы можете получить нулевой вариант – тот самый эффект бумеранга, который очень любил объяснять Юрий Александрович, именно эффект бумеранга в пропаганде. От слова бумеранг, вы сами понимаете, то есть та коммуникационная идея, которую ты забрасываешь в аудиторию либо в широком формате населению – через газеты, через телевидение – если она не продумана, она может

[Научная Жизнь]

Юрий Александрович Шерковин –
российский ученик Уилбура Шрамма
(расшифровка круглого стола)

вернуться к тебе бумерангом и отразиться отрицательно, дать отрицательный результат. Вот эти вот вещи, за которыми он следил, за нами – в то время, в общем-то, молодыми специалистами.

В 1975 году пришел к нему на кафедру ... Он как раз возглавил, по моему, именно в том году (Видите, сколько лет уж прошло, все уже пожилые люди!) он возглавил кафедру социальной психологии и пропаганды в институте общественных наук. Вот в то далекое время он только как раз возглавил ее. Но самое интересное, что (я не хочу обидеть никого из наших – в то время советских ученых или российских учёных) мне кажется, что он был один из пионеров-основателей. Не в социальной психологии, конечно, а, во всяком случае, во внедрении социальной психологии как основы пропаганды, без которой пропаганда как таковой не существует или она реализуется на примитивном уровне, если ты не знаешь этих законов и не воспринимаешь социальную психологию как науку, – вот что он защищал. А вы знаете, что в то время именно социальная психология (ну, как и в иные времена, раньше) воспринималась, как лженаука, если мы будем вспоминать генетику или другие его области науки, без которой сегодня невозможно представить себе деятельности.

Откуда вот такой взрыв против нашего телевидения Russia Today. Откуда, почему? Который не один несчастный голос правды, который распространяется по всему миру на английском, испанском, арабском языках... И, как вы видите, какие волны – потому что учитывается именно то, у основ чего стоял в свое время Юрий Александрович Шерковин: а именно, создавать реальную психологическую базу для коммуникативного общения с огромными массами людей. Я не хочу останавливаться – в зале сидят, вероятно, учёные, которые, конечно, больше меня всё это знают и понимают, но, тем не менее, хочу снова подчеркнуть, что Юрий Александрович был одним из первых у нас, кто соотносил законы социальной психологии с массовыми ожиданиями аудитории. И это дальше уже по жизни я на себе ощутил, какие результаты давало.

Знаете, когда над тобой заведующий кафедры, ты еще только вот молодой начинающий, аспирант и прочее, думаешь: ну вот всё оно в жизни совсем не так, но вынужден подчиниться, а уже потом, когда вступаешь в другую жизнь – и общественную, и политическую, ощущаешь, насколько это важно. Так же, как, например, для людей, изучающих романские языки, необходимо знать обязательно не только основы, а в хорошем таком, солидном плане латынь. Тоже, когда изучал латынь, думал вместе с коллегами: «Господи, этими мертвыми языками заполняют нам полтора-два года голову», – а потом начинаешь понимать, насколько она важна, если ты хочешь овладеть итальянским, французским, испанским, португальским языками или румынским. Ну, и так далее.

[Научная Жизнь]

*Юрий Александрович Шерковин –
российский ученик Уилбура Шрамма
(расшифровка круглого стола)*

И вот что касается Шерковина. Он дал импульс – и не только вот нам, будущим специалистам, как ученый социальный психолог. Нет, благодаря ему я во многом могу сказать, не кривя душой, я и мой коллега по кафедре, по той самой кафедре, был даже заместителем заведующего кафедры, (правда, мне тоже удалось быть заместителем заведующего) Александр Петрович Смирнов, покойный Александр Петрович Смирнов. Вот видите, на кафедре Шерковин воспитал двух послов. Александр Петрович был посол в Португалии, я был послом в Перу, генеральным консулом в Бразилии, долго работал так же, как и Александр Петрович, поверенным в делах, в Анголе я был советником и так далее.

То есть он нам дал и вот такой стимул в жизни, и потом, уже в практической деятельности, ощущаешь, насколько важны были, если позволите такое высокопарное слово, именно заветы Шерковина. И я его всегда вспоминаю, именно добрым словом, и – еще раз говорю – тронут тем, что его вспоминают сейчас на этом форуме.

Благодаря Юрию Александровичу мне удалось овладеть приемами, методологией ораторского искусства. У нас был курс, который тоже он вел и основал на кафедре ораторского искусства, и это пригодилось, очень пригодилось в дипломатической жизни. Всё-таки я... сейчас уже не помню, по-моему, 16 лет я провел в Латинской Америке, 8 с половиной лет в Африке, не говоря там... другие различного рода командировки на дипломатической работе. И вы знаете, безусловно, его вклад в развитие личности я всегда ощущал, именно когда оказывался перед аудиториями.

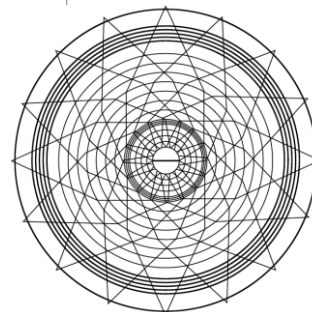
Понимаете, вспоминал самые неожиданные моменты. Скажем, когда бомбили Югославию... Поставили меня... в одной стране, давайте так будем, анонимно, чтобы не упоминать данные страны... поставили в коллегии адвокатов этой страны рядом с американцем, (в тот момент я был то ли советник, то ли советник-посланник) с адекватной фигурой из американского посольства. И вы знаете, как вот всплывало в памяти... различные приемы, которым обучал Шерковин. Вплоть до того, что, если американец отчитался, попытался доказать, чтобы всё было справедливо и пошёл к выходу, Шерковин в данном случае говорил: «Встань с места, обрати внимание зала на уходящего соперника и проводи его взглядом длительным – увидишь, что из этого получится». Так и сделал, вспомнив Маяковского, из зала вон выходящий, да еще добавив, что, мол, вы отказываетесь участвовать со мной в полемике. И вы знаете, уже с этих моментов (как он мне говорил: «Ты ощутишь, что ты выигрываешь у соперника дуэль»)... и действительно, вот так на практике во многих ситуациях всегда вот эти вещи вспоминаешь.

Понимаете, перечислять сейчас, наверное, – это утомлять аудиторию, тем более что речь идет просто о приветственном слове, о том, что мы вспоминаем Шерковина.

[Научная Жизнь]

Юрий Александрович Шерковин –
российский ученик Уилбура Шрамма
(расшифровка круглого стола)

Вот ещё такой эпизод... Ведь Юрий Александрович был в полном смысле слова полиглот. Понятно, он заканчивал соответствующий военный Институт иностранных языков, но у него была такая широта, вы знаете, в восприятии языков... Сам, будучи изначально филологом, могу сказать, что иногда завидовал вот той легкости, с которой он воспринимал иностранные языки... И вот по роду службы в 1956 году он оказался в Венгрии (вы помните те события, которые тогда были в Венгрии) и работал, в частности, над листовками, над радиопропагандой. И вот прошло очень много лет, почти 20, более 20 лет, он оказался... так мне удалось просто (извините, что я всё время говорю «я», «мне», это отнюдь не потому что там эго какое-то говорит, нет – просто чтобы лучше описать ситуацию) удалось пригласить его выступить перед руководством Республики Ангола, но по дороге так получилось, что он застрял в Будапеште в больнице, потому что что-то было неприятное с сердцем, и потом, как нам прилетел, он говорит: «Ты представляешь, Миш, я очнулся в больнице, я заговорил по-венгерски, когда понял, где я». То есть у него не было изначально венгерского языка, это труднейший язык, как вы знаете. Венгерский и финский – это два труднейших языка, на которых говорят в Европе, всё остальное – семечки, включая русский. Но вот по-венгерски почему – потому что, работая в Венгрии, он настолько проникся тем, где ты находишься, что смог настолько овладеть пусть даже бытовым венгерским, что здесь «...услышав, – как он мне говорит, – медсестер, я сразу же перешел на венгерский». То есть вы знаете, вот подобные вещи очень интересно отметить в этом человеке.

И особо я бы вот... ещё раз хотел бы просто сказать, что это был человек с юмором, это был человек энциклопедических знаний и страшно не любил ложь, обманы, когда его подводят, и умел... умел и наказывать, и умел поощрять. Это тоже очень важно в руководителе, потому что вот в плане стилей руководства если это всё при нём мы изучали в теоретическом плане, потом я, опять же говорю, у себя в жизни ощущал, насколько правильно подбирать стили руководства и вести себя... не только с аудиторией, а, прежде всего, в коллективе с подчинёнными. В зависимости от того, малый ли это коллектив, – это один стиль руководства. Как он говорил, «ты вообще себя должен ощущать в малом коллективе как на подводной лодке». И это правильно. Особенно когда речь шла о небольшом, скажем, консульстве, или посольстве, или когда это большое посольство и большое число наших соотечественников и людей, которые... Главное, что когда присутствовала большая колония наших соотечественников в данной стране. Вот так, вы знаете, из мелочей складывается. А тут, ну, целая книга воспоминаний касательно профессора Шерковина.

И понимаете, застряло в памяти: «Миша, я против, но ты поедешь». Понимаешь, что открывается совершенно новая перспектива – и в которую

[Научная Жизнь]

Юрий Александрович Шерковин –
российский ученик Уилбура Шрамма
(расшифровка круглого стола)

он поверил. Понимаете, это было со мной, и это было вот с моим старшим товарищем, покойным Александром Петровичем Смирновым, раньше кандидатом философских наук, доцентом был на нашей кафедре, да, и вот достиг больших тоже высот, но, к сожалению, жизнь – сложная штука. И этот вот тоже, знаете, импульс, толчок в будущее очень как-то я высоко ценю с его стороны.

Да, конечно именно вот это участие в судьбе, в том плане, что человек видел, что может из той или иной личности, наверное, получится. Это очень важный момент, когда человек именно разбирался в тебе и не ставил преград, никаких преград никогда, поощрял, особенно поощрял, если он считал, что... у каждого же человека есть, наверное, свои сильные, свои слабые стороны, и вот пытался развивать эти сильные стороны. В этом тоже такой воспитательный момент всегда вспоминаю.

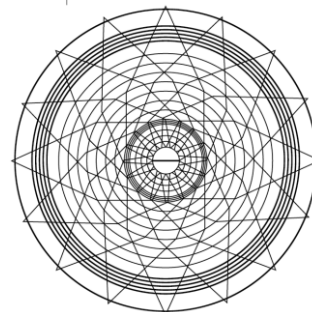
Что касается его наиболее важных качеств, это трудно перечислить. Я думаю, я на них уже останавливался. Это, прежде всего, простота, ум, доходчивость. Ну, почти вот эти вот все необходимые качества для пропагандиста, которыми он в совершенстве обладал. Ну и конечно, умение владеть аудиторией, вот если касаться именно ученого – ученого не просто кабинетного, а выступающего перед аудиториями, вот это вот умение владеть аудиторией... Как он говорил, что «Учти: твоё выступление начинается с того места, на котором ты сидишь. Когда тебя объявили, все смотрят, где этот человек, и как ты встаёшь, как ты идёшь до кафедры или до стола президиума, – вот с этого момента уже началось твоё выступление». И я вам скажу, я вот это тоже всегда пронёс в жизни, потому что всё-таки это теоретические положения, которые потом ты ощущаешь, как дают практический результат. Как человек идет, как он держится... знаете, ну вот это просто из таких... Я же не говорю, что мы должны там, заветы Щерковина – нет, он был проще и, наверное, посмеялся бы над нами в этом плане. Но это вот как раз теория, связанная с практикой, – вот что очень важно видеть, если кто-то читает Щерковина, насколько у него теория была связана с практикой. Это ощущалось...по себе ощущаю по сей день, выступая перед нашими слушателями дипломатической академии.

Если нет результата действия, если это, извините, простая болтовня или бумагомарательство, то грош цена такой науке. А когда всё это отражается на реальных действиях общества и в обществе, вот тогда это наука. Но я ещё раз говорю, что есть у нас известные пропагандисты, которые действительно умеют воплощать все азы подобной социально-психологической науки, необходимые для коммуникации. У нас такие пропагандисты есть, я не хочу их называть, иначе меня тут же запишут в какие-либо «ура, патриоты». Оставим без имён.

Часто ставил меня, знаете, в такие ситуации, когда я не знал, что ответить. «Миша, ты знаешь, под каким псевдонимом я пишу? – Ну, в общем

[Научная Жизнь]

Юрий Александрович Шерковин –
российский ученик Уилбура Шрамма
(расшифровка круглого стола)

знаю (вот вы не знаете, я знаю). – Спажев. – Понятно. – А ты знаешь, что это такое? Это вот девичья фамилия моей матери, и означает она спажить, то есть собирать снопы». То есть понимаете... Как вам сказать, это тоже такой легкий небольшой штрих... общение с человеком, которого начинаешь уважать даже за его подобные знания, но говорить о широте кругозора очень сложно. Потому что тут был такой набор большой, и иногда какая-то сказанная фраза – она меня заставляла задуматься. А сейчас я еще через ретроспективу времени вижу, насколько это было даже современно. Приведу вам пример: «Миша, я вернулся из командировки, был в Румынии, проезжал Румынию на поезде. Какой ужас!». И это всё было в советские времена. Я говорю: «А что такое, что на вас произвело такое впечатление? – Ужасающая бедность». То есть вы понимаете: что Румыния раньше, что сегодня, которая готова подставить свою территорию под любое... под что угодно, только дайте немножко денег. Вот, не хочу обижать Румынию, хотя я сейчас в неофициальном плане выступаю, уже как в отставке посол, поэтому могу себе позволить сказать всё что угодно. Даже вот такой пример, понимаете, вот это всё, опять же я говорю, всполохи в памяти, которые вспоминаешь от общения с Юрием Александровичем, от его, если хотите, даже прозорливости.

Я бы особенно обратил внимание на то, что связано с его трудами относительно Ислама и терроризма. Покопайтесь в Интернете – и вы найдете. Я не хочу ничего сейчас уточнять, но даже это ему удавалось предвидеть. Понимаете, это тогда, когда всё было тихо и спокойно. Почему я это вспомнил – потому что, скажем, у меня было... другую тему он передо мной ставил, это тогда еще терроризм в Южной Африке. Ну, это были прифронтовые государства, были такие у меня печатные работы. Но вот на эту тему я бы обратил внимание, как вот он разбирал её. Потому что она актуальна. Просто вот, как будто бы сейчас... Откройте, это будет совершенно актуально, понимаете. Так же, как... ну не хочу сравнивать, конечно, но вчера вдруг пересмотрел «Сон в летнюю ночь» Шекспира, но сделанную современным английским телевидением. То есть это BBC, но это совершенно современная жизнь. Слова Шекспира о жизни – современные. Понимаете, вот я опять же не хочу говорить, что я сравниваю великого Шекспира, но для меня Юрий Александрович – это самые такие близкие воспоминания. Ну вот, человек писал как будто для сегодняшнего дня.

Акоп Погосович Назаретян:

Действительно, так получилось, что из всех присутствующих людей, имеющих отношение к кафедре, я самый старший; поэтому я раньше других пришёл на кафедру, был 1971 год.

[Научная Жизнь]

Юрий Александрович Шерковин –
российский ученик Уилбура Шрамма
(расшифровка круглого стола)

Михаил Троянский описывал образование кафедры – так вот, есть одна маленькая неточность: слово «социальная психология» тогда ещё было хулиганским, буржуйским и вообще неприличным. В Советском Союзе не было ни одной кафедры. Это ещё Николай Сергеевич Мансуров в 1972 году в Политехническом музее при огромном стечении народа говорил: «Вот если вы подойдёте к советскому милиционеру и назовёте его полицейским, он обидится? Обидится, конечно! Вот и мы должны обижаться, когда нас называют социальными психологами». Поэтому самая первая в Советском Союзе кафедра на эту тему была названа «ОПП» («Общественная психология и пропаганда»). Потом уже пошли кафедры в МГУ, ЛГУ. И когда в этом закрытом учреждении (учреждение было закрытое: без вывески) при ЦК КПСС, Международный отдел, когда узнали, что там появилась кафедра общественной психологии, а, значит, это уже можно – тогда пошли как грибы после дождя во всех партийных школах.

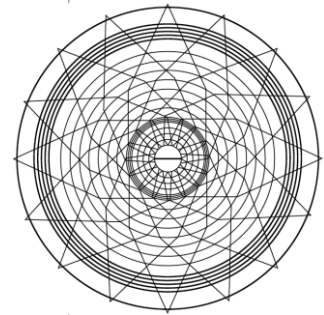
Это было очень смешно: когда меня академия общественных наук (не путать, мы институт общественных наук) попросили про буржуазные школы социальной психологии прочесть – сидят пожилые люди, все преподаватели социальных наук. Я говорю слово «Фрейд». [Они]: «Как, как фамилия?». И начинают записывать. «Левин, Курт Левин». [Они]: «Как, как вы сказали фамилии?». А потом оказалось, что это инструкторы райкома и т.д., которым надо на пенсию, но жалко отправлять на пенсию – всех, значит, в социальные психологи.

Вот это было, скажем, уже середина 1970-х годов, тогда это была действительно первая кафедра. Юрий Александрович Шерковин пришёл из филологии, из спецпропаганды. Он был военный человек. Спецпропаганда – термин, означающий пропаганду на войска и население противника. Поэтому у него была совершенно блестящая филологическая диссертация, кандидатская, и потом он стал одним из самых первых, насколько я знаю, докторов психологических наук в Советском Союзе, потому что только-только эта «номинация» появилась. Не знаю, первым или одним из первых, это надо посмотреть. Он защищал кандидатскую диссертацию после того, как стажировался в Америке с Уилбуром Шраммом. Он действительно ввёл в оборот Шрамма, Лассуэлла, Берельсона, о которых все наши замечательные учёные понятия не имели – был железный занавес.

Действительно, на этой кафедре, в этом институте мы работали с иностранными партизанами, подпольщиками, в общем, с зарубежными революционерами. Поскольку здесь сейчас психологи – в №6 «Вопросы психологии» будет моя статья о терроризме: «Заметка политического психолога» – «тогдашний» террорист и сейчас, как он сильно отличается. Вот те, условно говоря, террористы, с которыми работали мы, чёткого определения их нет, но были ребята, которых можно было отнести к этой области. И те, которые сейчас – совершенно другая структура мотивации,

[Научная Жизнь]

*Юрий Александрович Шерковин –
российский ученик Уилбура Шрамма
(расшифровка круглого стола)*

совершенно другое поведение и т.д. И там, действительно, приходилось возрождать многое из того, что было сделано в России до революции и в 1920-е годы, потом было начисто отмечено. Шерковин начал первым возрождать и внедрять психологию стихийного, массового поведения, психологию коммуникаций.

Слухи, толпа, работа с толпой – это было кровно необходимо. Мы там обучали не только ораторскому искусству (индивидуально политиков), но и, например, сопротивлению пыткам. По требованиям наших слушателей – психологию воли, то, как сопротивляться пыткам: в полиции, на подходе в полицию, самые разные физические и психологические пытки и т.д. Единственное, что было очень печально (это был международный отдел ЦК), что нас практически не впускали во внутренние коммуникационные процессы. И когда однажды в самом начале 1985 года попытался на одном совещании сказать, что наша пропаганда чересчур эффективна, и это опасно, потому что она создает стереотипы (были эксперименты, были данные). В данной ситуации стереотип, попадая под интенсивно диссонирующую информацию, не разрушается, а поворачивается. И до меня дошло: эти молодые ради красивого словца не пожалеют родного отца. Мы, конечно, не ожидали, как скоро (буквально уже скоро началась перестройка, появилась гласность и т.д.) такой огромный масштаб примет монологическую систему пропаганды, в которой наша пропаганда работала. И, в общем-то, опыт нашей кафедры, опыт нашей работы может и сейчас серьезно использоваться в работе.

Елена Борисовна Шестопап:

Я пришла на ту кафедру, которую возглавлял Юрий Александрович Шерковин, в 1977 году. Интересно, как он принимал меня на работу: он назначил встречу не в институте – он назначил встречу в кафе, которое находилось на Тверской улице напротив гостиницы «Советская», и по телефону сказал: «Встречаемся в антисоветском кафе». Я сначала не поняла. А он: «Ну как, это просто! Это то кафе, которое напротив «Советской», значит, оно антисоветское». То есть вот так он шутил. И, значит, первое, что он попросил меня – по-английски рассказать про то, чем я занимаюсь, чтобы проверить, смогу ли я работать на языке с теми людьми, которые говорили на этом языке. Его интересовало всё: чем ты занимаешься, какой ты человек. Я бы сказала так: у него был потрясающий вкус на людей – он собрал команду, равной которой, честно говоря, я не знаю и сейчас ни в одном ВУЗе.

Многие из тех, кто тогда работал, к сожалению, уже ушли от нас, но и здесь собралось несколько человек, которые составляют осколки той блестящей компании. Человек он был очень сложный: у нас по этому поводу были разные в институте мнения о том, какой человек Юрий

[Научная Жизнь]

*Юрий Александрович Шерковин –
российский ученик Уилбура Шрамма
(расшифровка круглого стола)*

Александрович. Но при этом, вот каким бы он ни был занудным, чрезмерно пунктуальным, но вот все мы, сидящие в этой комнате, можем сказать, что своей карьерой, своей нацеленностью на науку мы обязаны ему. И обязан лично каждый. Он мог ругать тебя, он мог говорить какие-нибудь гадости, но при этом он помогал делать тебе очень важные дела и был по-настоящему требовательным – это то, чего не хватает многим из наших руководителей. Я хочу сегодня вспомнить тех, кого уже нет.

Я принесла две работы, которые нашла у себя в шкафу: это книга, которую многие из вас знают: его работа, которая называется «Психологические проблемы массовых информационных процессов». Кстати, в этой книге он ни разу не упомянул Уилбура Шрамма, - он один из тех немногих людей, кто хорошо понимал правила игры, в том числе идеологические ограничения, которые в то время были очень жесткими. И умел, принимая эти правила, тем не менее, двигать науку вперед. И вот вторая публикация – это наша с ним первая статья в журнале «Вопросы психологии», №5 за 1980 год, где мы были вторыми, кто употребил термин «политическая психология». Вот за что я ему очень благодарна. Когда я пришла к нему с уже готовой статьей, он её переделал как раз под те каноны, которые требовали тогда: упоминания Ленина и так далее. Удивительное умение не лезть на рожон, понимание практической политики, практических правил игры и, в то же время, высокий академизм.

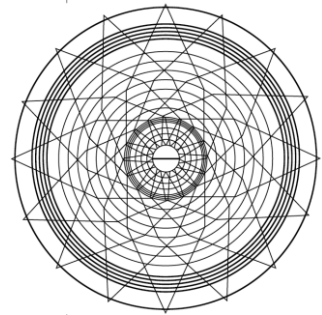
Сегодня коллеги вспоминали о том, что он всегда был нацелен на прагматизм. Например, в отличие от многих наших коллег, которые занимаются проблемами психологии и массовых коммуникаций в очень абстрактной манере, далекой от реальности, он же, первым делом – открыл телерадиостудию. И начал учить студентов не только по учебникам, как надо делать телевидение и радио. Он загонял их в эту студию и говорил: делайте фильм, делайте радиопередачу. Он был удивительно чуток к этим вопросам со стороны реальности. То, чего сейчас в университетах и других ВУЗах не хватает: то есть наука идет своим путем, а реальность – другим.

Вот в этом прекрасном учебном заведении, Высшей школе экономики, я была в прошлом месяце на защите аспирантских работ. Человек, который выступал, написал работу о сравнительном анализе российского и французского правительств. Но, казалось бы, на кого ссылаться: в его работе есть 1 статья, на которую он сослался, российского автора. Он хорошо знает американскую литературу, современную – молодец, читал многое и понимает, как в теории это. Но писать о русском правительстве и ссылаться на статьи американцев – это немного странно. Изучить саму реальность было бы неплохо.

Так вот, Юрий Александрович преподавал нам тогда урок: что нельзя быть просто таким вот кабинетным учёным. В башне из слоновой кости настоящую науку не делают. Она всё-таки должна быть релевантна реальности и отвечать на те вопросы, которые эта реальность ставит.

[Научная Жизнь]

*Юрий Александрович Шерковин –
российский ученик Уилбура Шрамма
(расшифровка круглого стола)*

Я хочу сказать, что для меня Юрий Александрович не просто автор, мой соавтор по первой статье о политической психологии, но и человек, идеи, мысли которого, теоритические постулаты для современной политической психологии остаются очень свежими и современными. Я думаю, что это тоже могут подтвердить мои коллеги, которые занимаются коммуникативистикой. Его работы не теряют своего значения и по сей день. И это говорит о том, что то, что там было заложено, имеет действительно очень высокую цену. И, может быть, во многом за счёт того, что это были практико-ориентированные вещи.

И мне очень приятно, что сегодня второе такое мероприятие, посвященное Юрию Александровичу Шерковину. В 2004 году мы провели «Шерковинские чтения» у себя на кафедре Политической психологии.

Я хочу сказать, что то, что дал нам Юрий Александрович, пока мы работали с ним, оно получило своё продолжение. Сначала – после закрытия Института общественных наук – был организован Фонд социально-политических исследований при президенте СССР Горбачёве. Потом это была единственная кафедра Прикладной политологии в Горбачёв-Фонде. И там мы стали применять то, что мы делали, по отношению к нашим зарубежным слушателям: мы стали обучать наших первых политических деятелей из двух политических партий. Это были демократическая и республиканская партии. Увы, они тоже уже «рассосались» и на политической сцене их не осталось.

Потом мы смогли использовать этот опыт на кафедре в МГУ, которая была открыта в 2000 году. И я счастлива, что Татьяна Васильевна Евгеньева, моя коллега по той кафедре, пришла к нам. Она единственная из нас всех по-настоящему продолжила дело Юрия Александровича. В том смысле, что она занимается психологией и социологией массовых коммуникаций и читает эти курсы, которые собирают огромные аудитории среди наших студентов. Более того, нас Юрий Александрович научил тому, что надо всё-таки смотреть свою аудиторию, слушать её, стараться получить обратную связь. Поэтому все здесь присутствующие члены той кафедры, они научились этому во многом.

Я хочу ещё напомнить о том, что наша нынешняя кафедра продолжает эти традиции. Мы стараемся, чтобы те данные, которые мы получили в наших исследованиях, были доступны не только нашим коллегам по цеху, но и чтобы они шли в СМИ. Мы стараемся работать и с радио, и с телевидением, и с печатными изданиями, понимая, что сегодня, если ты сидишь просто и пишешь книги и статьи в научные журналы, ты никому не нужен. Сегодня практическая ориентация ещё больше востребована, чем в те времена.

С тех пор, как в России появилась публичная политика, то, чем мы занимались тогда на кафедре общественной психологии и пропаганды, оказалось необычайно востребовано. Конечно, наших студентов учат и

[Научная Жизнь]

Юрий Александрович Шерковин –
российский ученик Уилбура Шрамма
(расшифровка круглого стола)

таким навыкам, как навыкам консалтинга, сбора и обработки данных и так далее. То есть все то, что Юрий Александрович заложил, мы стараемся продолжить. Все его изыскания и традиции.

Татьяна Васильевна Евгеньева:

Действительно, Юрий Александрович Шерковин в своих работах никогда не ссылался на Уилбура Шрамма. Тем не менее, я назвала своё выступление «Влияние идей Уилбура Шрамма на научное творчество Юрия Александровича Шерковина». Возможно, из каких-то сложных политических соображений сослаться на Шрамма тогда было не совсем политкорректно. Но, тем не менее, в работах Шерковина и в его книге, которую показывала коллега, мы находим две основные идеи, которые фактически впервые появляются в исследованиях Уилбура Шрамма.

Первое, это когда Шрамм вместе с Осгудом предлагают свою модель массовой коммуникации, где, в отличие от всех прошлых теоритических подходов, значительное место занимает не только источник, не только коммуникатор, а получатель в процессе массовых коммуникаций, как тоже активный субъект процесса массовой коммуникации.

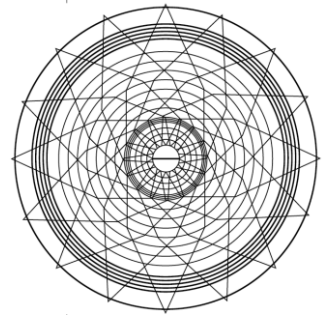
До Шрамма, в традиционных линейных моделях массовой коммуникации, исследование получателя в качестве активного получателя мы почти не находим. Первое, что мы находим также во всех работа Ю.А. Шерковина. То есть он исследует с точки зрения психологии не только то, какие существуют механизмы воздействия на массовое сознание, сознание получателя, но и как учитывать в этом процессе особенности психологии, особенности процесса восприятия, психологические особенности, характерные именно для получателя. Есть там целый раздел по поводу особенностей внимания, как можно управлять процессом внимания, процессом восприятия, процессом запоминания. То есть его интересует получатель, как самостоятельный субъект. С точки зрения того, как на этого получателя можно влиять. Но он всё-таки субъект, не объект, у него есть свои закономерности восприятия, понимания и так далее. Это первое.

Второе, о чем я хотела сказать: Шрамм обращает внимание в своих работах не только на чисто объективные характеристики процесса массовой коммуникации. То есть объекты, которые связаны с содержанием массовой коммуникации, факты, события, которые тоже являются частью содержания массовой коммуникации. Шрамм выделяет ещё два очень важных аспекта исследования: это эмоциональная составляющая массовой коммуникации и то, что Шрамм называл в своих работах «латентное значение» или «латентное содержание» процесса коммуникации. Сегодня мне ближе и мне представляется, что это связано с такими понятиями, как «символическое значение» и «символическое содержание» сообщений массовой коммуникации. Сегодня эта тема очень актуальна и для массовой

[Научная Жизнь]

*Юрий Александрович Шерковин –
российский ученик Уилбура Шрамма
(расшифровка круглого стола)*

коммуникации, и для политической коммуникации. Опять же Шерковин огромное внимание уделяет этой теме. Да, при этом не ссылаясь на Шрамма, но он развивает те идеи, те аспекты исследования, которые, в своё время, предложил в своих работах Уилбур Шрамм.

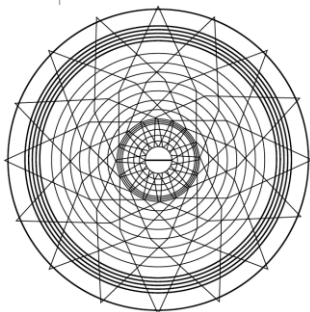
Он уделяет большое внимание эмоциональной составляющей самого процесса массовой коммуникации и исследованию этой эмоциональной составляющей, эмоционального воздействия в массовой коммуникации. И вот это вторая сторона, которая для меня очень близка, поэтому я всегда её подчеркиваю. Символическое восприятие, символическое транслирование каких-то смыслов не на рациональном уровне через слова, определения, исключительно механизм рационального убеждения, логику, а через систему символов, слов-символов, образов-символов, эмоционально окрашенных символов. Это тоже мы находим в его работе и в самой интересной и знаменитой книге. И поэтому с этой точки зрения я готова сказать, что Ю.А. Шерковин, который на Шрамма не ссылался, тем не менее, является человеком, который развивает и продолжает идеи Шрамма.

И ещё один момент: я читаю курс психологии массовой коммуникации, я как раз рассказываю о психологических механизмах влияния, о механизмах восприятия, то, что в своё время уже было написано Ю.А. Шерковиним. На самом деле, студентами, а иногда приходится читать лекции и взрослым людям, и журналистам, и людям, которые работают в сфере рекламы и пиара, воспринимается это почему-то как что-то такое неожиданное и непривычное. Да, конечно, на рекламе, связях с общественностью и PR рассказывают про самые различные технологии, а я прихожу и говорю: «Ну, подождите, все эти технологии основаны на знаниях психологических закономерностей влияния и восприятия». И, как выясняется, об этом всё равно пишут достаточно мало и рассказывают достаточно мало. Я училась на факультете журналистики, правда, это было давно. Там не было ни одного учебного курса, который был бы в той или иной степени связан с психологией. Точно также сегодня на отделении PR и рекламы: единственный курс, где вообще речь идёт о психологии, это вот тот самый курс психология массовой коммуникации. То есть этот аспект до сих пор недостаточно изучен, недостаточно учтен. И очень хорошо, что мы сегодня вспоминаем Ю.А. Шерковина, который первый поднял эти вопросы.

Фёдор Анатольевич Федосов:

Я пришёл на кафедру общественной психологии в 1975 году, чуть раньше Елены Борисовны, чуть позже Акопа Погосовича.

Юрий Александрович был моим научным руководителем по кандидатской диссертации. Несколько лет я работал непосредственно под

[Научная Жизнь]

Юрий Александрович Шерковин –
российский ученик Уилбура Шрамма
(расшифровка круглого стола)

его руководством. И думаю, что Шерковин сильнее повлиял на всех нас – что на меня, что на всех присутствующих здесь, и на тех коллег, которые сделали академическую карьеру блестящую, и на тех, которую не сделали таковую (Михаил Троянский, например, ушёл во внешнюю политику, а я ушёл во внутреннюю политику – я работал много лет на государственной службе, дослужился до начальника аналитического управления Совета Федерации). Но должен сказать, что в этой работе (конечно, она тематически очень многообразна) методологии анализа и вообще методология подхода к работе с оценкой общественных феноменов, общественных процессов, социальных процессов, то, чему нас учил Юрий Александрович, в этом очень-очень пригодилось. Конечно, сфера его влияния на нас далеко уходит за академические рамки.

Я тоже принёс с собой книжку. Называется она «Социальная психология и пропаганда». Вышла она в 1982 году и имеет гриф «Для служебного пользования». Руководитель редакционной коллегии – Шерковин Ю.А. А среди авторов: Е. Б. Шестопал, Т.В. Евгеньева, А. П. Назаретян и ваш скромный слуга.

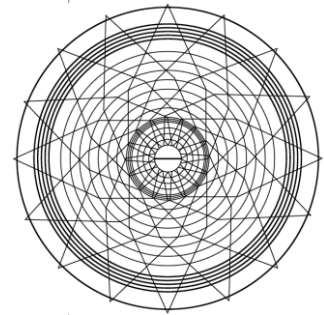
Книга эта написана ровно для тех слушателей Международной ленинской школы, о которой говорил Акоп Погосович. Написана она, конечно, в жесткой марксистской традиции образца 1982 года.

Те, кто помнит это время, понимают, что я имею в виду. А те, кто не помнит, тем нелегко это понять. В то время исследователи любой дисциплины, особенно в области общественных наук, работали в рамках очень узкого коридора возможностей. Шаг влево, шаг вправо – расстрел. Не физический расстрел, но в любом случае – сомнения при защите диссертации или сомнения при рекомендации работы к публикации, если речь шла о монографии. И, тем не менее, в этих условиях численно не очень большая, но очень мощная группа советских ученых обществоведов умела и сумела проводить реальные исследования, реально развивать и двигать вперед науку, выходя, конечно, де-факто из этого узкого коридора, но выходя таким образом, что людям менее умным, чем они (в основном именно такие сидели в инстанциях), это не было заметно. Я бы назвал этих людей великими циниками. Юрий Александрович Шерковин – я его первым называю среди них, Федор Михайлович Бурлацкий, Илья Семёнович Кремер, Вадим Валентинович Загладин, Александр Абрамович Галкин, здравствующий по сей день, и может быть ещё пара тройка таких фамилий, которые у каждого из нас, конечно, на слуху. А вот мы, четверо здесь присутствующие, мы всё-таки частица той генерации, которая преподаёт сегодняшним студентам и аспирантам. Вот как преемственность выстраивается.

Вот Юрий Александрович в высшей степени обладал этой способностью. Когда я закончил работу над кандидатской диссертацией, он её посмотрел, поправил, вставил туда даже вырезки ножницами, клеил,

[Научная Жизнь]

Юрий Александрович Шерковин –
российский ученик Уилбура Шрамма
(расшифровка круглого стола)

восклицательные знаки расставил. Я к нему пришёл: «Юрий Александрович, ну вот это, я думаю, не так, ну зачем это здесь». На что он мне сказал: «Петя, вам сейчас что нужно: истина или степень?». Ну, вот какой был мой ответ? Я сказал: «Конечно, истина». Он сказал: «Ну, знаете, истина нужна всем, но никто её не получит. А вот чтобы истину искать, вам сейчас желательно получить степень, поэтому вы послушайте, что я вам рекомендую». И я послушал.

Теперь ещё один аспект. В Международной ленинской школе мы оказались в парадоксальной ситуации: ведь нам приходилось готовить, причем в конкретной политической работе, людей, которые работали в условиях, о которых мы, тогда 25-30-летние люди, не имели понятия. Или, точнее сказать, об этих условиях мы только от них узнавали. От наших учеников, взрослых людей, у многих из которых за плечами был большой политический опыт, более или менее успешный. И вот здесь получался действительно процесс взаимного обучения. Здесь получатели нашего педагогического преподавания как коммуникации были в такой же степени субъектами пропагандистских или информационных сообщений, как и мы, преподаватели. Мы учились друг у друга. И вот эта заточенность на политику и заточенность на работу с аудиторией, это то, может быть, чему мы учились Юрия Александровича. А Юрий Александрович, я догадываюсь, к чему Юрий Александрович пришёл, как на основании своего жизненного и рабочего опыта, так и не без влияния Шрамма. Поскольку там вот, насколько я помню, как раз опыт работы в военных условиях на творчество Шрамма оказал существенное воздействие.

И последнее: вот кросс-культурная коммуникация – это очень многозначное понятие, но в языковом смысле оно у нас в Ленинской школе было особенным. Когда Юрий Александрович брал меня на кафедру, я его спросил, я бы хотел работать у вас... Он сказал: «Ну, это возможно, это можно обсудить, но вам придётся выучить датский язык». Я говорю: «Как выучить датский язык?». «Ну, вы какие языки знаете?». «Немецкий и английский». «Нам нужен специалист с датским языком». Я говорю: «Ну как язык выучить?». Юрий Александрович: «Ну, подождите, я сейчас изучаю португальский и через год буду на нём преподавать». И, действительно, он владел английским и испанским, вот за этот год он выучил португальский и на нём преподавал. А мне пришлось выучить датский. Я пошёл в аудиторию и читал датчанам лекцию на датском языке.

У него были требования, которые казались неисполнимыми, но потом оказывалось, что не так страшен чёрт, как его малюют. Но кросс-культурность была не только в этих языковых барьерах. Дело в том, что мы имели дело с людьми из другой цивилизации. И дело даже не в православной или католической... вот тогда действительно была особая советская цивилизация. Я употребляю это понятие, не конкретизируя в положительном или отрицательном смысле. Но одна из особенностей

[Научная Жизнь]

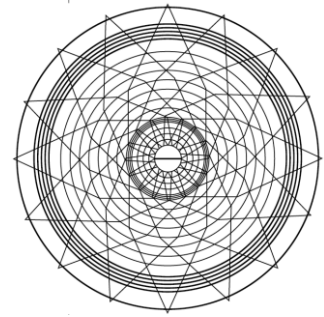
Юрий Александрович Шерковин –
российский ученик Уилбура Шрамма
(расшифровка круглого стола)

состояла в том, что многие вещи, которые к тому времени на Западе были как «абв», для нас, для большинства наших коллег, были совершенно вновь. А мы, опять же, через наших слушателей сталкивались с проблемами, о которых мы знали только из учебников или из работ, посвященных критике буржуазной науки. Но ведь, опираясь на это, адекватно работать невозможно. И вот наши работы привозили, ну вот мне, например, работы Троцкого из Германии на немецком языке. А я их передавал для прочтения коллегам, которые читали по-немецки, а потом меня в особом отделе предупредили: «Мы понимаем, Федор Анатольевич, что это для учебных целей, но вы всё-таки имейте в виду, это дело серьезное».

Мы сталкивались с проблемами, с которыми мы в Советском союзе, конечно, как-то были знакомы, но которые к тому моменту ещё не только не были в Советском союзе предметом научного анализа или общественной дискуссии. Они вообще были тотально табуированы. Вот приезжает к нам группа коммунистов из Западного Берлина. Дело происходит в самом начале 1980-х годов. В Западном Берлине в тот момент был подъем левых настроений среди студентов университетов. И в том числе в партию пришло довольно много представителей альтернативной сексуальной ориентации – гомосексуалов. Открытых гомосексуалов, которые мотивированы к социальному протесту были именно через гомофобию общества, как они говорили. И вот они приезжают в Советский Союз и просят ректорат: «Пожалуйста, организуйте нам дискуссию на тему “Гомосексуализм в Советском Союзе”». Ведь Советский Союз для них на тот момент – пример позитивной альтернативы. «Кому поручить такую работу?», - задумался международный отдел ЦК. У нас были: кафедра истории КПСС – не годится, марксистской философии – не годится, политэкономия – не годится. О! Социальная психология – все равно никто не понимает, что это такое. И поручают. И идут туда Аноп Погосович Назаретян и Федор Анатольевич Федосов. В ситуации, когда в Советском Союзе статьи в Уголовном Кодексе «Гомосексуализм» нет, потому что это называется «Мужеложество». И как таковая, как факт, это преступление. И мы идём – мы должны с этими людьми говорить не только на одном филологическом языке, но и говорить всё-таки на языке единомышленников. И этот разговор состоялся. И мы думаем, что он был не бесполезен. Я привожу пример того, как при руководстве Юрия Александровича кафедра социальной психологии мелкими шагами, но всё-таки выламывалась из этого узкого коридора дозволенного и постепенно приходила к тому, что в конце концов стала связующим мостиком между периодом жесткого марксистского идеологического контроля и периодом идеологической вседозволенности, в которой нам выпало счастье жить и работать.

[Научная Жизнь]

*Юрий Александрович Шерковин –
российский ученик Уилбура Шрамма
(расшифровка круглого стола)*

Я думаю, что на этой ноте мы завершим. И вспомним ещё раз Юрия Александровича Шерковина, который был настоящим мостом, который связывал нашу отечественную социальную психологию с тем, что происходило в мире. Вот эта его посредническая роль, то, что он донес до нас идеи Шрамма – мне кажется, стоит это отметить и с этим мы сегодня и уйдем.

[Научная Жизнь]

*Юрий Александрович Шерковин –
российский ученик Уилбура Шрамма
(расшифровка круглого стола)*

YURI SHERKOVIN – SOVIET STUDENT OF WILBUR SCHRAMM

TRANSCRIPT OF THE ROUND TABLE

Abstract:

The Round table “Yuri Sherkovin – Soviet student of Wilbur Schramm” was held within the I International Symposium on the history of communication studies that took place at Higher School of Economics in November 2017.

Yuri Sherkovin was one of the first pioneers of social psychology in the Soviet Union. During his studies, he visited the USA and worked with Wilbur Schramm.

During the round table the son of Yuri Sherkovin, Dmitriy Sherkovin gave a short biographical interview about his father. The former students of Yuri Sherkovin – Mikhail Troyanskiy, Akop Nazaretyan, Elena Shestopal, Tatiana Evgenieva, and Fedor Fedosov made short messages about various aspects of Yuri Sherkovin’s work.

Keywords: social psychology, USSR, Wilbur Schramm, Yuri Sherkovin